

Буддийские образы в прозаическом
и поэтическом творчестве Э.В. Лимонова:
между отторжением и принятием

Леонид В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай,
dubakov_leonid@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи – проанализировать буддийские образы, мотивы, идеи, присутствующие в лимоновских романах, рассказах, стихотворениях и эссе; а также особенности восприятия Лимоновым буддийской религии. Э.В. Лимонов в своем творчестве обращается к буддизму уже в ранний период и интересуется им на протяжении всего творческого пути. Буддизм для Лимонова оказывается тесно связан с географическим пространством. Это религия Востока, которая мировоззренчески противопоставит Западу. То же противостояние можно увидеть в рассказах Лимонова, написанных на Западе: буддизм изображается в них как религия покоя на фоне неблагой европейской суеты. Буддизм у зрелого Лимонова – это также составная часть большого русского мира, где, русифицируясь, соединяются разные культуры, религии, политические проекты. Буддийские мотивы по-разному проявляются у Лимонова в пейзаже, в русской городской и общежитской повседневности – и негативно, и гармонизирующе. Будда Шакьямуни в произведениях Лимонова – не объект для почитания, но вариант революционизирующего духовную жизнь «неземного» сверхчеловека. Отношение к буддизму у Лимонова колеблется от принятия до отрицания. Эти разные позиции обусловлены либо его субъективной оценкой конкретных людей, оказывающихся с буддизмом в связи, либо политической или философской целесообразностью.

Ключевые слова: Э.В. Лимонов, буддизм, буддийский текст, метафизика, критика западной культуры

Для цитирования: Дубаков Л.В. Буддийские образы в прозаическом и поэтическом творчестве Э.В. Лимонова: между отторжением и принятием // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. С. 62–70. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-62-70

Buddhist images
in the prose and poetic works of E. Limonov.
Between rejection and acceptance

Leonid V. Dubakov
Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China,
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to analyze Buddhist images, motifs, ideas present in Limonov's novels, stories, poems and essays; as well as the features of Limonov's perception of the Buddhist religion. E. Limonov refers to Buddhism in his work already in the early period and pays attention to it throughout the entire creative path. Buddhism for Limonov is closely connected with geographical space. It's the religion of the East, which is ideologically opposed to the West. The same confrontation can be seen in Limonov's stories written in the West: Buddhism is portrayed in them as a religion of peace against the backdrop of non-virtuous European fuss. Buddhism in the mature Limonov's works is also an integral part of the large Russian world, where, being Russified, different cultures, religions and political projects are united. Buddhist motifs manifest themselves differently in Limonov's Russian urban and communal everyday life, in the landscape – both negatively and harmoniously. Buddha Shakyamuni in Limonov's works is not an object for veneration, but a variant of an “unearthly” superman revolutionizing the spiritual life of people. Limonov's attitude to Buddhism ranges from acceptance to denial. Such different positions are due either to his subjective assessment of specific people who find themselves in connection with Buddhism, or to political or philosophical expediency.

Keywords: E. Limonov, Buddhism, Buddhist text, metaphysics, criticism of Western culture

For citation: Dubakov, L.V. (2023), “Buddhist images in the prose and poetic works of E. Limonov. Between rejection and acceptance”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 62–70, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-62-70

Буддизм в русской литературе присутствует активно начиная с рубежа XIX–XX вв. Новая волна интереса к буддийской религии со стороны отечественных писателей проявилась в другую переломную эпоху – рубежа 80–90-х гг. прошлого века. В.Н. Топоров ввел в научный оборот понятие «петербургского текста» [Топоров 1995], и постепенно литературоведение не только применило структурно-семиотический подход к другим топосам, но и перевело его из

урбанистически-культурной, в частности, в религиозную сферу. Так, например, П.В. Алексеев описал «мусульманский текст» русской литературы [Алексеев 2006], а Р.Ф. Бекметов осмыслил «буддийский текст» как часть ориентального дискурса [Бекметов 2019]. Таким образом, «буддийский текст» русской литературы – факт современного российского литературоведения. Одним из авторов, в творчестве которого можно обнаружить буддийские образы и мотивы, является Э.В. Лимонов.

Творчество Лимонова на первый взгляд далеко от буддизма. Однако внимательно читая его произведения, можно обнаружить отсылки к буддизму или прямые его упоминания в текстах даже 1970-х гг. и, возможно, ранее. Лимонов осмысляет буддизм, создает его оригинальный образ в своей прозе, политической публицистике, философских книгах и в поэзии. Более того, он оказывается кем-то вроде буддийского персонажа в романе о самом себе. Так, буддийская составляющая творчества и образа писателя и политика Лимонова обозначается в романе Эмманюэля Каррера «Лимонов» (2011)¹. Каррер выстраивает биографию своего героя как человека, парадоксально идущего от крайнего эгоцентризма к забыванию самого себя, пусть и фактически мнимому. Впрочем, вместе с этим писатель цитирует эссе М. Юрсенар «Время, великий ваятель» (1972), в котором французская писательница так отзывается о Ю. Эволе: «...очевидно, что барону Юлиусу Эволе, так хорошо знавшему тантрическое учение, никогда не приходило в голову воспользоваться тайным оружием тибетских лам – кинжалом, убивающим “я”»². То же самое, вероятно, можно сказать и об Э.В. Лимонове – герое романа Э. Каррера.

Лимонов, изображенный Каррером как человек, соприкасающийся с буддийской мистикой, встречается и в произведениях самого Э.В. Так, в нескольких своих книгах Лимонов возвращается к одному из эпизодов своей реальной биографии. Например, в рассказе «Посланные знаки» (2013) он вспоминает, как на Алтае, возле ступы, только он, и никто другой больше, услышал «рокотание тибетских деревянных труб» – «музыку сфер» «как иллюстрацию к Тибетской Книге Мертвых»³. Другой мистический эпизод, связанный с буддизмом, описан Лимоновым в романе «...и его демоны» (2016). Председатель партии, обнаруживший у себя

¹ Каррер Э. Лимонов. М.: Ад Маргинем, 2011. 464 с.

² Юрсенар М. Время, великий ваятель // Юрсенар М. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. С. 426.

³ Лимонов Э.В. Апология чукчей: мои книги, мои войны, мои женщины. М.: АСТ, 2013. С. 34–35.

гематому в черепе, одной из причин этого считает двух дакинй, тибетских богинь, защитниц буддийского Учения: «Они – свирепые, возможно, не признали в нем своего и вот набросились на его мозг»⁴. И далее – в форме прямой речи, переходящей в дактиль и звучащей как молитва-обращение: «“Не признали, – бормотал Председатель, – что же вы, sisters, меня не признали”, укладывая дакинй в картонную коробку и затягивая коробку шнуром»⁵. Стоит отметить интимное обращение “sisters”, которое, кажется, касается здесь не только обозначения схожести двух этих дакинй, но и сущностного сходства героя и этих существ.

В книге «Торжество метафизики» (2005) Лимонов вольно толкует понятие нирваны. Нирвана для него, отбывающего наказание в исправительной колонии, это «экстатический транс»⁶, вызванный совпадением с природой на фоне экстремальных обстоятельств. Нирвана – одно из проявлений торжествующей метафизики, воспринятой писателем в противовес земной неволе. Интересно также сравнение исправительной колонии с монастырем, а заключенных – с монахами. Лимонов создает образ в том числе как бы буддийского монастыря, в котором он в связи с возможным освобождением (которое становится эрзацем буддийского Освобождения) впадает в «личную нирвану»⁷. Этот воображенный им «монастырь» присутствует в буддийском пейзаже, наполненном молитвенным настроением: «...с Востока и Юга, с родины Будды, шли приятные, четкие, как бусины, облака»⁸.

Колониальная тема в связи с Востоком и буддизмом, обозначенная еще в стихотворении «Лхаса» (1974), вновь появляется у Лимонова – в стихотворении «Лепешка» (2006). В этом последнем герой уже не кооперируется заочно с англичанами, но обозначает другое, свое, родное культурное сообщество, к которому он принадлежит и которое смотрит на Азию (Гималаи, Тянь-Шань) как на территорию, которой также собирается завладеть: «Мы все в душе имперьялисты / Колонизаторы-злодеи / Из Византии и Рассеи»⁹. Также из «Лхасы» переходит в «Лепешку» и слово «злодей», определяющее колонизаторов. В последнем случае в нем, впрочем,

⁴ Лимонов Э.В. ...И его демоны. СПб.: Лимбус-Пресс, 2016. С. 33.

⁵ Там же.

⁶ Лимонов Э.В. Торжество метафизики. М.: Ад Маргинем, 2005. С. 158.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Там же. С. 175.

⁹ Лимонов Э.В. 17 стихотворений из сборника «Седой Ересиярх». URL: <https://ed-limonov.livejournal.com/57082.html> (дата обращения 17 января 2023).

слышится ирония. Лимонов вспоминает также отечественных первопроходцев в Азии – экспедицию Рерихов, верблюды которых «идут спокойны, как буддисты» и с которыми герой стихотворения, чувствуя вкус Азии, мысленно «прихрамывает»¹⁰. Образ этих верблюдов вызывает в памяти «Зверинец» В. Хлебникова, в котором «верблюд знает разгадку Буддизма»¹¹. Звериный мир Хлебникова – мир несостоявшихся возможностей, азиатский мир из стихотворения Лимонова ждет завоевания новой империей, которая будет готова воспринять разные местные веры (в обоих случаях в реализации потенциалов проявляется военное измерение). Кстати, в статье «Несколько мыслей по поводу Хлебникова» Лимонов изображает этого поэта как «оригинального русского гения, не зависимо от Запада и обращенного лицом к Востоку, к Азии – прародине более древних и глубоких цивилизаций»¹².

Возвращаясь к лимоновской поэзии, нужно отметить еще одно, даже более ранее, чем «Лхаса», стихотворение. В романе «Молодой негодяй» (1985) Лимонов вспоминает о реакции персонажа Брусиловского на свое стихотворение 1968 года – «Жара и лето... Едут в гости...»: «Одновременно украинско-харьковское и в то же время вечная буддийская какая-то жара повисла в этом вашем стихотворении...»¹³ Эта буддийская жара невольно прочитывается как воспроизведенный поэтом образ буддийского ада. Время и пространство стихотворения, хотя первое течет, а второе изменяется, на самом деле неподвижны. Перед нами, по выражению В.Б. Зусевой, «дурная бесконечность» «страшного сна» [Зусева-Озкан 2005, с. 17], посередине первой строки прерывающаяся (а значит, незаканчивающаяся) троеточием и таким же троеточием не завершающаяся в финале текста. По-буддийски реальность, изображенная в стихотворении, относительна и имеет онейрический характер. Время в ней циклично, а пространство стремится к окружности, умножая субъекты, действия, предметы и локусы. Герои стихотворения «едут дальше, дальше, дальше»¹⁴,

¹⁰ Там же.

¹¹ *Хлебников В.* Зверинец // Садок Судей: [Вып. 1] / В. Бурлюк, В. Каменский, Е. Низен, Н. Бурлюк, Е. Гуро, С. Мясоедов, А. Гей, Д. Бурлюк, Е. Милица, Б. Лившиц, А. Крученых В. Хлебников. СПб.: Журавль, [1910]. С. 96.

¹² *Лимонов Э.В.* Несколько мыслей по поводу Хлебникова // Мулета ХОО: Семейный альбом: К 100-летию Велимира Хлебникова. Париж: Vivrisme, 1985. С. 34.

¹³ *Лимонов Э.В.* Молодой негодяй. М.: Альпина. Проза, 2021. С. 45.

¹⁴ *Лимонов Э.В.* Стихотворения. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 23.

но наблюдают лишь большее количество собственных могил. Они движутся и одновременно нет: герой-повествователь спит, при этом едет вместе со всеми, хотя и наблюдает их со стороны (с дистанции?), а все остальные, хотя и едут, но лежат в могилах (они живы, но мертвы). Стихотворение насыщено лексическими и ритмическими повторами, сопровождаемыми алогичными сбоями, также усиливающими «дурную бесконечность» страдания – жары, скуки и смерти. Если принять послы автора и героя «Молодого негодая» о буддийском характере жары в том тексте, то «разлинованный халат» (халат как маркер Азии) героя стихотворения можно интерпретировать как намек на *Каласутру-на-раку* или «Ад черных сечений (линий)» (в книге Чже Цонкапы «Ламрим Ченмо» об этом аде написано так: «Стражи ада наносят <на тела> родившихся здесь существ черные контуры четырехугольников, восьмиугольников или многообразные линии и разрезают оружием по отмеченным линиям, причиняя страдание»¹⁵). Желтая собака может быть увидена как адское существо из «Леса деревьев с листьями-мечами» («Ламрим Ченмо»: «Когда существа падают, – прибегают темнокрасные собаки, хватают их сзади и едят»¹⁶ (в этом образе рифмуется и необычный цвет ее шерсти: темно-красный в буддизме, желтый – у поэта). Фраза героя о том, что «Азиатская летняя жара в резко континентальном Харькове»¹⁷ легла в основу этого текста, видится как отсылка к системе буддийских адов, что находятся под континентом Джамбудвипа. Три могилы, а затем шесть могил могут быть соотнесены с тремя мирами страстей – сферой желаний, форм и отсутствия форм – и шестью секторами бхавачакры – от ада до райских областей, соответственно, каждая и каждый из которых становятся рано или поздно местом смерти для живого существа – и для героев стихотворения «Жара и лето... Едут в гости...». Иными словами, герои лимоновского текста едут в гости по степному Харькову и обретают свою смерть. Можно также отметить влияние, испытанное в этом стихотворении Лимоновым, со стороны О.Э. Мандельштама. Стихотворение «Полночь в Москве...» содержит ряд схожих мотивов: жара, временная и пространственная замкнутость, пейзаж, напоминающий мандалу, разделенную на секторы, мотив смерти. Об этом статья Е. Мачерет «О некоторых источниках “буддийской Москвы” Осипа Мандельштама» [Мачерет 2007].

¹⁵ Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. СПб.: Нартанг, 1994. С. 198–199.

¹⁶ Там же. С. 204.

¹⁷ Лимонов Э.В. Молодой негодай. С. 147.

В стихотворении начала нулевых годов «И вязкий Ленин падает туманом...» Лимонов в противовес к обычным людям («земные») ставит себя, а также Ленина, Маркса, Ницше, Гоголя и Будду («неземные»), отбивая эти определения от местоимений «мы» и «вы» двумя выразительными тире и используя парцелляцию. Будда в этом стихотворении, а также в книге «Дисциплинарный санаторий» (1993) и в рассказе «Quoter Энди Уорхола» (1990), – вариант сверхчеловека, если не нищевского, то отчасти на него похожее. Или иначе – революционера, предлагающего «новую духовную модель поведения вида человеческого»¹⁸. При этом каждый из названных «неземных» в стихотворении «И вязкий Ленин падает туманом...» связан с природным мотивом, противопоставленным окультуренному миру, вносящим в него свой порядок или даже разрушающим его, как Маркс, что «заводоуправления / Прогрыз железо», или как «Будда, вздутый баобабом»¹⁹. Определение «неземные» может быть понято не только как противоположное обычному, земному, заземленному, но и в стихийном смысле – как противоположное земному, сухому, не творческому.

Одно из последних обращений к буддизму в поэзии Лимонова – это стихотворение «Путница» (2014). Буддизм и христианство соединяются в нем на фоне единого культурного пространства²⁰.

Э.В. Лимонов неоднократно обращался к буддизму в своем творчестве. Буддизм находит отражение в его философских, публицистических, прозаических и поэтических книгах. Отношение к буддизму у Лимонова колеблется от принятия до отрицания [Орлова 2005, с. 17]. Эти разные позиции не связаны с тем или иным периодом в творчестве писателя. Чаще они обусловлены либо субъективной оценкой конкретных людей, оказывающихся в связи с буддизмом, либо политической или философской целесообразностью. Лимонов может выделять в буддизме либо одни черты, либо другие, одобрять его или критиковать – в зависимости от художественной или внехудожественной задачи, может обозначать близость к буддизму в самом себе или своих соратниках и симпатизантах, может отвергать буддизм за созерцательность и иронизировать по его поводу. Буддизм для Лимонова – экзотическая, таинственная религия Азии или, точнее, Евразии, а значит, буддизм

¹⁸ Лимонов Э.В. Литература и революция: Эфир на «Радио Свобода» // Программа «Энциклопедия русской души». 2 августа 2008. URL: <https://ru-nbp.livejournal.com/1519167.html> (дата обращения 17 января 2023).

¹⁹ Лимонов Э.В. Стихотворения. С. 393.

²⁰ Лимонов Э.В. Путница // Два стихотворения. URL: <https://limonov-eduard.livejournal.com/358856.html> (дата обращения 17 января 2023).

оказывается верой, что противостоит западному, неприемлемому для Лимонова мировоззрению. С другой стороны, буддизм – это одна из религий России, и писатель ищет художественные способы его русифицирования. В лимоновском восприятии буддизма также важна мистическая настроенность: писатель пытается проникнуть в метафизику «нирванических состояний» буддийской религии, однако при этом настойчиво сохраняет отрицаемое буддизмом свое человеческое «я».

Литература

- Алексеев 2006 – Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 23 с.
- Бекметов 2019 – Бекметов Р.Ф. Русская литература 1830–1860-х гг. в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019. 411 с.
- Зусева-Озкан 2005 – Зусева-Озкан В.Б. Вроде апологии (о поэзии Эдуарда Лимонова) // Арион. 2005. № 2. С. 46–61.
- Мачерет 2007 – Мачерет Е. О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // Acta Slavica Iaponica. 2007. Т. 24. Р. 166–187.
- Орлова 2005 – Орлова А.А. Проза и публицистика Эдуарда Лимонова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 17 с.
- Топоров 1995 – Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс–Культура, 1995. С. 259–367.

References

- Alekseev, P.V. (2006), *Formirovanie musul'manskogo teksta russkoi literatury v poetike russkogo romantizma 1820–1830-kh godov* [The formation of the Muslim text of Russian literature in the poetics of Russian Romanticism of the 1820–1830s], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Tomsk, Russia.
- Bekmetov, R.F. (2019), *Russkaya literatura 1830–1860-kh godov v zerkale vostochnykh (buddiiskikh i daoskikh) traditsii* [Russian literature of the 1830s – 1860s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions], D. Sc. Thesis (Philology), Kazan, Russia.
- Macheret, E. (2007), “About some sources of ‘Buddhist Moscow’ by Osip Mandelstam”, *Acta Slavica Iaponica*, vol. 24, pp. 166–187.
- Orlova, A.A. (2005), *Proza i publitsistika Eduarda Limonova* [Prose and journalism of Eduard Limonov], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Saint Petersburg, Russia.

- Toporov, V.N. (1995), "Petersburg and the 'Petersburg text of Russian literature' ", in Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic. Selected works], Moscow, Russia, pp. 259–367.
- Zuseva-Ozkan, V.B. (2005), "Like an apology (about the poetry of Eduard Limonov)", *Arion*, no. 2, pp. 46–61.

Информация об авторе

Леонид В. Дубаков, кандидат филологических наук, доцент, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэн, Китай; 518172, Китай, Провинция Гуандун, Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435

Information about the author

Leonid V. Dubakov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China; bld. 1, Guojidaxueyuan St., International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, PRC, China, 518172; dubakov_leonid@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1172-7435